

Из наблюдений над передачей
немецких топонимов
в вестях-курантах 1600—1639 гг.

Становление русского национального языка, выражавшееся прежде всего в развитии, обогащении его лексической системы, сочеталось с восприятием некоторого количества иноязычных слов, в частности, из западноевропейских языков.

А. К. Рейцак, прослеживая судьбу некоторых германизмов в русском языке, насчитывает 465 заимствований из германских языков, представленных в русских памятниках XV—XVII вв.¹

Ее подсчеты в общем совпадают с подсчетами В. Р. Кипарского. Впрочем, Кипарский признает их приблизительными вследствие слабой изученности памятников, указывая, что в русский язык до Петра Первого проникло и сохранилось в нем до наших дней около 50 слов немецкого происхождения. Проникновение (по Кипарскому) происходило двумя путями. Первый пролегал через Украину и Белоруссию из западнорусского или непосредственно из польского языка. Это путь основной. Им прошло большинство германизмов. Второй путь пролегал через Псков, Новгород, Немецкую слободу в Москве. Эти заимствования были балтийско-немецкими².

На этот путь указывают районы создания русско-немецких разговорников (Архангельск, Холмогоры, Новгород, Псков, Москва)³.

¹ Рейцак А. К. Судьбы группы германских заимствований XV—XVII вв. в лексическом запасе русского языка. — *Wissenschaftliche Zeitschrift der Humboldt-Universität Berlin. Gesellschafts- und sprachwissenschaftliche Reihe*. Berlin, 1967, Jg. 6, S. 673—677.

² Кипарский В. Проникновение элементов западноевропейской лексики в русский язык XVII—XVIII вв. — В кн.: *Славянские культуры в эпоху формирования и развития славянских наций XVIII—XIX вв.* М., 1978, с. 124—128.

³ Савич Н. Г. Из истории русско-немецких культурных связей в XVII в. (Немецко-русский словарь-разговорник Г. Невенбурга 1629 г.). — *Ист. зап.*, 1978, т. 102, с. 246—286.

Таким образом, следует различать два потока заимствований из немецкого в русский в XVII в. Один из них — северный, другой — западный и юго-западный.

Второму, протекавшему в условиях сильного польского посредства, Г. Г. Бильфельдт, возражая А. Бонду, отказывает в названии «немецкий поток»⁴. Рассмотрев вокальные и консонантные признаки около 500 германизмов в западнорусской письменности XIV—XVII вв. и соотнеся их с фонетическими особенностями немецких диалектов в прошлом, Г. Бидер пришел к выводу: почти всем западнорусским германизмам соответствуют лексические параллели в польской письменности того времени. По графемно-фонетическим особенностям западнорусские и польские германизмы образуют далеко идущие соответствия, а вариативность объясняется диалектными особенностями немецкого языка (средненемецкое влияние обнаруживается сильнее всего). Прослеживаются также диалектные наслоения белорусского, украинского и польского языков⁵. Бидер исследует соответствия немецким b, d, f, g, h, k, p, pp, s, sk, sl, sm, sn, sp, st, sw, t. Отмечая активное польское посредничество в проникновении германизмов в западнорусскую письменность, Бидер указывает на сильное влияние новонемецкого письменного языка и особенно его канцелярских региональных вариантов.

Учет фактов польского языка — важный момент в методике исследования германизмов в русском языке XVII в. При наличии свидетельств, говорящих в пользу заимствования слова непосредственно из польского, позволительно рассматривать его как полонизм.

Ряд явлений консонантной адаптации, сопровождающих заимствование германизмов, отмечен А. К. Рейцак в памятниках XV—XVII вв.: способы передачи f, h, l, pf, tz. Обобщены явления метатезы, утраты согласных,

⁴ *Bielfeldt H. H.* [ред. на кн.:] *Bond A.* German loanwords in the Russian language of the Petrine period. Bern—Frankfurt am Main, 1974. — *Zeitschrift für Slawistik*, Berlin, 1975, Bd. 20, Hf. 5—6, S. 842—844.

⁵ *Bieder H.* Die Rolle des Polnischen bei den ältesten deutsch-west-russischen lexikalischen Lehnbeziehungen (Phonetisch-phonologischer Aspekt). — *Wiener Slavistisches Jahrbuch*, 1978, Bd. 24, S. 7—21.

ассимиляции и диссимиляции, вокализации и контаминации⁶.

Фрагментарные заметки Г. Хютль-Ворт по консонантным явлениям в германизмах основаны главным образом на данных памятников русского языка XVIII в. В числе непосредственных заимствований из немецкого упоминаются слова позднего проникновения: галздук, галстух, гефес, камер(г)ер, камердинер (камордин), ландшафт, парикмахер, танцмейстер, штатский (статский). Приведены примеры отражения в русском h, l, st, sp⁷.

Отдельные явления консонантизма (передача в русском g, h, l, sk, sl, sm, sn) описаны в работе С. К. Гардинер⁸.

Всё многообразие вариаций в передаче немецких консонантов в русском можно выявить лишь при учете передачи всех немецких согласных и определенных консонантных групп, в составе которых фонетическая реализация того или другого согласного связана с соседними звуками.

Тем не менее и выборочное описание способов передачи отдельных согласных (как правило, исследователями избираются те, которые дают многочисленные вариации вследствие расхождений фонетических систем контактирующих языков) может дать некоторое представление о системе в целом.

Бросается в глаза то обстоятельство, что способность заимствования к варьированию тесным образом связана с тем, насколько длительно его бытование в русском языке. Давние германизмы инвариантны, новые проникновения — напротив.

В консонантной системе германизмов отражаются самые разнообразные процессы, но причины варьирования при всем их различии сводятся к трем основным, связанным между собой отношениями схождения, пересечения и соприкосновения.

Прежде всего и главным образом это явления, происходящие в рамках языка-рецептора. К ним относятся асси-

⁶ Рейцак А. К. Германизмы в лексике памятников русской деловой письменности XV—XVII вв. Автореф. канд. дис. Л., 1963; Она же. Ассуфиксация как один из способов фонетико-морфологического освоения заимствованных имен существительных. — Учен. зап. Тартуского ун-та, 1965, вып. 166. Труды по рус. и слав. филол., 7. Сер. лингв., с. 30—45.

⁷ Hüttl—Worth G. Foreign words in Russian. A historical sketch. 1550—1800. Berkeley and Los Angeles, 1963, p. 42.

⁸ Gardiner S. C. German loanwords in Russian. 1550—1690. Oxford, 1965, p. 260—284.

миляция и диссимиляция, упрощение групп согласных, метатеза, различия в произношении на различных территориях распространения русского языка.

Вторая группа причин относится к кругу явлений, происходивших в языке-источнике, но в той или иной степени нашедших отражение в языке-рецепторе, поскольку все эти явления рассматриваем под углом зрения их преломления, передачи в языке-рецепторе. К ним следует причислить различие между немецкими диалектами.

Третья группа факторов — явления языкового контакта. К ним следует причислить в первую очередь такие, как контаминация.

Большинство из перечисленных выше причин связаны с русской языковой системой, а остальные (их меньше) — с двусторонними или многосторонними языковыми контактами.

Остановимся на двух явлениях, с нашей точки зрения взаимосвязанных, в которых нашли отражение процессы, происходившие при языковых контактах.

Во-первых, коснемся отражений вариативности в консонантной системе русского языка, которые восходят к диалектным различиям немецкого языка, т. е. являются перенесением в готовом виде явлений, свойственных фонетической системе языка-источника в язык-рецептор. Во-вторых, осветим явление контаминации.

Из явлений первого порядка заслуживает внимания прежде всего известное второе (верхненемецкое) передвижение согласных, так как именно его законами определялась система согласных немецкого литературного языка и важнейшие различия в консонантизме немецких диалектов. Наиболее ярко выраженным признаком передвижения («перебоя») согласных является частичная или полная спирализация германских глухих смычных *p*, *t*, *k*. Не менее важное значение для верхненемецкого консонантизма имело развитие звонких смычных *b*, *d*, *g*, которые в интервокальном положении в нижненемецких, средне-немецких и значительной части южнонемецких диалектов представлены как спиранты (*b*, *g*, отчасти *d*), а там, где они сохранили смычку, потеряли звонкость, подверглись ослаблению, и в центральной части верхненемецких диалектов в определенных позициях смешались со старыми глухими *p*, *t*, *k*, также ослабленными *h*, *f*, *g*⁹.

⁹ Жирмунский В. М. Немецкая диалектология. М.—Л., 1956, с. 254—327.

Переходный этап этого процесса нашел отражение в вестях-курантах: писали *n*, *m*, *k* на месте нем. *b*, *d*, *g* и, напротив, *b*, *d*, *g* вм. нем. *p*, *t*, *k*.

Сознавая, что ссылки на современные немецкие написания вносят известную ахронию (нарушение временной последовательности) при рассмотрении явлений немецкого языка XVII в., принимаем все же их во внимание.

Обращение к современной немецкой орфографии объясняется необходимостью сведения к единому различных вариантов. Подобную исходную точку отсчета считаем допустимой.

Используем данные историко-топонимического словаря немецкого языка, отражающего фонетико-орфографические варианты топонимов как самой Германии, так и соседних стран Западной Европы по памятникам немецкого языка вплоть до самого конца XV в., т. е. с охватом почти всей первой половины раннего новонаемецкого периода (XIV—XVI вв.)¹⁰.

Дополнительно используем немецкие оригиналы к русским переводам газетных сообщений¹¹.

Примеры передачи *n* на месте нем. *b* в начале слова: Пенсим8 (68) — Penschaim (Остерлей 52), совр. Bensheim; Пlobeигерна (148) — в нем. ориг.: Plobeyern, у Г. Остерлея: Plawpüren, Plaubeurn (61), совр. Blaubeuren; Прюселе (46) — Proxola, Pruechsen, Prusel (Остерлей 95), совр. Brüssel; Преславом (48) — Preslaw (Остерлей 90), совр. Breslau; патцов (66) — совр. Batzen 'бацен (монета)'; в сложном наименовании в начале второй самостоятельной части: Аусп8рка (61) — Ougspurg, Ougespurch (Остерлей 34), совр. Augsburg; Д8нкелспиле (144) — Diinkerole, Duenkelspuechel, Dinkelspuhl, Dinkelspuechel, Dinchespuchel (Остерлей 126), совр. Dinkelsbühl; Марпурской (127) — Marporch, Marhpurch (Остерлей 426), совр. Marburg.

В XV—XVII вв. *p*-выдвигается как отличительный признак письменной нормы имперской (венской) канцелярии, конкурируя до начала XVIII в. со средненемецким на-

¹⁰ Oesterley H. Historisch-geographisches Wörterbuch des deutschen Mittelalters. Gotha, 1883 (далее в тексте: Остерлей).

¹¹ См.: Вести-Куранты. 1600—1639 гг. Изд. подгот.: Н. И. Тарабасова, В. Г. Демьянов, А. И. Сумкина. Под ред. С. И. Коткова. М., 1972 (далее указываем стр. издания). Примеры из рукописных вестей-курантов сопровождаем архивным шифром без указания при этом хранилища, так как все примеры взяты из одного хранилища — ЦГАДА.

чальным *b*. Язык венской канцелярии обнаруживает некоторые местные признаки, характерные для письменной традиции, развивавшейся на основе южнонемецких (баварско-австрийских) диалектов: *p* вм. *b* в начале слова, связанное с потерей звонкости по второму перебою в южнонемецких диалектах¹².

B на месте нем. *p*: Бадербюрнъ, Бадерборнъ (67) — Bodisbrunnun, Badaebrunna (Остерлей 512), совр. Paderborn; Брицьвалдъ (171) — совр. Pritzwalk; Асберге (141) — совр. Asperg.

Приведенный материал вовсе не означает, что последовательно представлено отклонение от современной литературной немецкой нормы. Можно привести массу примеров из вестей-курантов XVII в. с подтверждением их материалами Словаря Г. Остерлея, которые свидетельствуют о совпадениях в передаче *b—p*, *d—t*, *g—k* с современным языком. В этом нет необходимости. Здесь (и далее при рассмотрении способов передачи нем. *d—t*, *g—k*) эти случаи приводятся единственно с целью показать способы диалектного варьирования в передаче нем. *b—p*, *d—t*, *g—k*. Письменная норма национального литературного языка, закрепленная Лютером, не сразу получает признание во всей Германии. Утверждение ее завершается только в конце XVIII в. вместе с созданием классической немецкой национальной литературы¹³.

Примеры с *t* на месте *d*: оан Тона (67, 69) — совр. von Dona; Тонае (237) — Tunaw (Остерлей 130), совр. Dona; Белгартъ (ф. 155, оп. 1, 1642—1644 гг., № 2, ч. 1, л. 42) — в нем. ориг. Bellgardt, совр. Belgard; Бернартомъ (188), Бернгартъ (172) — совр. Bernhard; Герорта (56) — Hervort (Остерлей 277), совр. Herford; Грипсвалтъ (149) — в нем. ориг. Gripswalt, совр. Greifswald; Зелантъ (61) — Zelant (Остерлей 625), совр. Seeland; Идилвалта (56) — ср. Wald; лантъграе (39, 66) — совр. Landgraf; лантъмеистер (141) — совр. Landmeister; Манцвелтъ (66), Мансвелта (30) — ср. Mansvelth, Manesvelt, Mannisvelt (Остерлей 425) в сходном по звучанию названию города, совр. Mansfeld; Маиланта (138) — совр. Mailand; Миелту (89) — Meinfelt, Meinefelt, Meyenfelt (Остерлей 421), совр. Mayenfeld; Нортенбергъ (142) — Norttenberg,

¹² Жирмунский В. М. Указ. соч., с. 280; *Он же*. История немецкого языка. 4-е изд., перераб. и доп. М., 1956, с. 76, 127.

¹³ Жирмунский В. М. История немецкого языка, с. 81.

Nortemberg (Остерлей 487), совр. Nordenberg; Оберланта (147) — в нем. ориг. Oberlandt, совр. Oberland; Стралс-нта (118), — Стралснтъ (120) — Sunt, Stralsunt (Остерлей 663), совр. Stralsund.

Примеры, где *ð* выступает на месте *t* (th): Дюринга (85), Дюринге (51) — Doringe, Doerrinck, Doringe, Doringi (Остерлей 685), совр. Thüringen; Прагадиць (31) — совр. Prahaticz; Стггарда (141) — совр. Stuttgart.

Буква *κ* на месте нем. *g*: Алтенбѣрка (59) — совр. Altenburg; Бранденбѣркѣ (142), Брандебурка (85) — Brandenborch¹⁴, Brandeburh (Остерлей 85), совр. Brandenburg; Мекеленбѣркѣ (142) — Mekelenborch, Meklenborch (Остерлей 434), совр. Mecklenburg; Магдебѣркѣ (142) — Meydeburc, Meigdeburc (Остерлей 420), совр. Magdeburg; Страсбѣрка (141) — Straispurgh (Остерлей 663), совр. Straßburg.

И, наконец, *z* на месте *k*: Гросенѣ (154) — совр. Krossen.

О чем свидетельствует приведенный материал?

Употребление глухих губного, зубного и задненебного звука на месте соответствующих звонких и наоборот в русских текстах наблюдается в основном в названиях городов и рек, представленных в зоне распространения верхне-немецких (южнонемецких) диалектов¹⁵: швабского (Асперг, Блаубейрен, Штутгарт), среднебаварского (Аугсбург, Норденберг), южнофранкского (Динкельсбюль), верхнеалеманнского (Дунай).

Отдельные случаи подобного рода связаны с территорией средненемецких говоров: южнофранкского диалекта в его северной части (Бенсхейм), пфальцского, гессенского (Марбург), тюрингенского (Тюрингия), верхнесаксонского (Кроссен), редкие факты представляют зону нижнемецкую (севернонемецкую): вестфальский диалект (Падерборн) и бранденбургский (Прицвальк).

Географическая привязка топонимов не представляет затруднений вследствие того, что в них заключены локализирующие признаки. В отношении ряда аппелативов сле-

¹⁴ *ch* в древневерхнемецком в большинстве случаев (в южнонемецких диалектах) имеет значение аффрикаты [кх], ср. юж.-нем. *chalt* [кхальт] 'kalt' (см.: *Жирмунский В. М.* История немецкого языка, с. 384).

¹⁵ В названиях диалектов и их картографическом распределении ориентируемся на кн.: *Жирмунский В. М.* Немецкая диалектология, с. 34 (карта № 1), карта повторена в книге того же автора «История немецкого языка», с. 14 (карта № 1).

дует иметь в виду исторически ограниченную область их применения (таково слово *бауцен* 'монета, имевшая хождение в Южной Германии и Швейцарии').

Итак, переводчик (а за ним и переписчик) стремились побуквенно передать написание топонима, но эта побуквенная передача отражала не только явные колебания в немецкой орфографической традиции, но и местные варианты произношения, что делает русские воспроизведения указанных названий дополнительными источниками сведений по исторической фонетике немецкого языка.

Колебания в выборе вариантов отражаются в правке черновых текстов: Преславом (48) — II написано по Б, ср. данные о письменной норме имперской канцелярии в XVII в.

В связи с варьированием русских согласных в соответствии с нем. *b—p, d—t, g—k* следует отметить один момент. Он связан с положением согласных в определенном окружении. Тот факт, что мена *b/n, d/m, g/k* в русских воспроизведениях немецких слов проявляется в позиции, фонетически не обусловленной, свободной (перед гласными и сонорными), указывает на ее обусловленность иной языковой системой.

Как известно, в русском языке оглушение или озвончение согласных носит позиционный характер.

Фонетические процессы гетерогенного характера в истории контактирующих языков могли в конечном результате совпасть. Процесс оглушения *b, d, g* в ряде немецких диалектов, начавшись с позиций свободных, проникал и в позиции связанные, и в последних он находил соответствие русским аналогичным явлениям. Эти совпадения способствовали восприятию в устной сфере русского языка определенных форм иноязычных слов как сильных, основных, могущих выступать в функции производящих основ: регенб8рченя (135).

Немецкие названия с конечным оглушенным *t* (на месте *d*) в русском воспринимались как претерпевшие оглушение конечного *d*.

Тот факт, что воспринятое такого происхождения *m* сохранялось в русском языке и в предвокальных позициях, лишний раз свидетельствует о том, что оно было перенесено из немецкого в русский, так сказать, в готовом виде.

Что касается спонтированных вариантов нем. *b, d, g*, то система русского алфавита не обеспечивала передачи

их звукового качества. С этими ограничивающими свойствами буквенной системы воспринимающего языка, допускающими двойственность фонетической интерпретации одного и того же письменного обозначения звука, приходится считаться.

Не вызывает сомнения заимствование устным путем слова *анбурка* (*анборка*) 'род сельди' (от г. Гамбург) в смоленскую деловую письменность конца XVI—XVII вв.¹⁶, поскольку в наличии *к* проявилось совпадение результатов фонетических изменений звука [г] в истории двух языков. Любопытно также в связи с этим отметить языковую зону с *г* взрывным (*к* в оглушенном варианте — север), через которую слово входило в русский.

Чередование *d/t*, *g/k* в старонемецкой письменности объясняет появление в немецком языке контаминаций *dt*, *gk*, см. *Oberlandt* в нем. ориг. к слову *Оберланта* (147), *Newenburgk*¹⁷.

Переходим к иным проявлениям контаминации. Природа этого явления как скреждения двух форм, результатом чего является образование третьей, выяснена более определенно применительно к синтаксическому¹⁸, морфологическому и лексико-семантическому уровню языка¹⁹ и менее изучена и выяснена в отношении фонетической системы. В исследованиях ее наблюдается крен в сторону описания синхронных явлений, меньше уделяется внимания ее диахроническому аспекту.

Предметом нашего рассмотрения будет фонетическая контаминация по преимуществу. Она отразилась в написаниях *сп*, *шс*, *шх*, *шшг*, *хг*, *цс*, *вс*.

Контаминированное *сп*, *шс*: *сплеуские* (44) — *Slezie*, *Slezien*, *Sleyssie* (Остерлей 609), совр. *schlesisch*, *сшпанские* (209) — совр. *spanisch*, *Шстирмарск8ю* (34) —

¹⁶ *Борисова Е. Н.* О некоторых проблемах становления и развития словарного состава русского языка конца XVI—XVIII вв. — ВЯ, 1978, № 5.

¹⁷ *Савич Н. Г.* Указ. соч., с. 253.

¹⁸ *Шведова Н. Ю.* Активные процессы в современном русском синтаксисе. (Словосочетание). М., 1966; *Ицкович В. А.*, *Шварцкопф Б. С.* О контаминации и смежных с нею явлениях. — В кн.: Памяти акад. В. В. Виноградова. [М.], 1971, с. 90—96.

¹⁹ *Ройзензон Л. И.*, *Абрамец И. В.* О фразеологической контаминации в русском языке. — РЯШ, 1969, № 3; *Щепин А. Г.* О лексической контаминации. — Рус. речь, 1978, № 5; *Шмелев Д. Н.* Несколько случаев лексико-семантической контаминации (распутный, путный; ночлег; наущать, наущение). — Этимологические исследования по русскому языку, вып. 3. М., 1961.

Styra (Остерлей 653), совр. Steiermark поддерживается последовательностью немецкой орфографии того времени (sch и s), отражающей диалектные варианты произношения s. Г. Томас приводит, например, такие варианты написаний ср.-н.-нем. *damask, damasch, damaschk* (слово заимствовано в русский в виде *адамашка, дамашка, дамашка* 'название шелковой ткани, привозимой из Дамаска')²⁰.

Также контаминацией, но усложненного характера (с наложением, а не стыкованием: *ш* — *сх*) можно объяснить *шх* и *шшг*: *шхонберский* (51) — совр. *schönbergisch*, *Шхроделя* (42), *Кашшгове* (42) — *Kasschau* (Остерлей 334), совр. *Kaschau*. *Sch*, уходя корнями в разные рефлексы прагерм.* *sk* перед гласными и *г* (первоначально [*sχ*], затем [*ʃ*]), сохранилось как *sk* в нижненемецких диалектах и [*sχ*] в вестфальском²¹. По наблюдениям Г. Томаса, в средненижненемецком (XIII—XVI вв. — он же ранний новонемецкий период) произношение *sch* варьировалось от диалекта к диалекту. Эволюция произношения [*sk*] > [*ʃk*] ярко отразилась в передаче *sch* в русском: в более ранних заимствованиях (приблизительно до 1400 г.) — *ск*, в поздних (1400—1600 гг.) — *шк*²². Сочетание *сх* (и его контаминированный вариант *шх*) могли поддерживаться голл. *sch* [*sχ*], что вероятно для курантов, многие из которых переводились с голландских газет.

Лихгнитцкои (60), исправленное из *Лихнитцкои*, свидетельствует о том, что писец, почувствовав отклонение в сторону произношения, решил исправить *х* на правильное *г*, при этом получилась контаминация письменного и произносимого элементов слова. Написания названия *Лигниц* только с *г* и *к* у Г. Остерлея (395) доказывают русский характер контаминации.

По-видимому, немецкого происхождения контаминация *цс*: *Манцсвелть* (58) — совр. *Mansfeld*. В. М. Жирмунский указывает, что в рукописях древне- и средневерхне-немецкого периода спирант [*s*] обозначался с помощью так называемого хвостатого *z* (*geschwänztes z*) в противоположность простому *z* (*zz*), обозначавшему аффрикату [*ts*]²³. Близость начертаний *z* и *z* могла привести к их

²⁰ *Thomas G.* Middle low german loanwords in Russian. München, 1978, p. 94.

²¹ *Жирмунский В. М.* История немецкого языка, с. 139.

²² *Thomas G.* Op. cit., p. 219—223.

²³ *Жирмунский В. М.* История немецкого языка, с. 151, 384.

взаимному смешению, и тем самым к контаминации в письме.

При рассмотрении способов передачи нем. *v* в русском тексте важно обратить внимание на то, что оно передавалось как *ө* в немецких словах, а также служило показателем немецкого прочтения *v* в словах языка-источника: голландского — Ватерелитомъ (192) — *Watervliet*, Гравенагину (88) — *s'Gravenhage*, ср. Гравенгагу (119), Фландерех (165) — *Vlaanderen*, флам. *Vlaanderen*, ср. Вландренскю (91), итальянского — Фелтином (151) — *Valtellina*, ср. Вилталинскую землю (72), Ферсилию (190) — *Vercelli*, ср. Верцели (192), латинского — Фалентин (58) — *Valentin*, французского — евалир Фаленка (148) — в нем. ориг. *chevalier Valencay*, Фалета (190) — *Valette*, ср. Валѣта (127), Фендосма (150) — ст.-фр. *Vendosme*, совр. *Vendôme*, ср. Вендомской (145), Фердѣнне (103) — *Verdun*, ср. Вердѣн (103).

Вариативностью в передаче *v* — *ө* объяснимо такое написание: Веигенове ф. 155, 1646 г., № 6, ч. 3, л. 331, ср. итал. *Vigevano*. Данная контаминация может быть расценена двояко. Во-первых, как отражение различия в произношении *v* в немецком языке (в словах иностранных по происхождению — *v*, в немецких — *f*). В таком случае контаминация, замыкаясь в немецком языке, в готовом виде попадает в русский перевод. Во-вторых, в немецком могло отразиться итальянское произношение *v*. В этом случае участниками контаминации (которая так же в готовом виде переносилась в русский перевод) оказывались два языка — итальянский и немецкий. При этом второй выступал в роли передатчика явлений итальянского, и сама контаминация приобрела характер разноязычной.

Укажем еще на одну особенность явления контаминации. Ее внесистемный, вненормативный характер на первых порах проявляется в искусственном для русского языка сочетании фонем. Ясно, что *спл*, *сшп*, *шт*, *хг*, *цс*, *во* возможны в письменной сфере языка, не находят опоры в его фонетике.

Истоки рассмотренных фонетических контаминаций — либо региональные варианты произношения (русского или немецкого), либо расхождения между графикой и произношением. Отсутствие кодификации письменной формы языка благоприятствовало проявлениям контаминации.

Особо следует выделить такие явления контаминации, когда звуковые признаки одного языка оказываются

как бы включенными в состав слова другого языка, при этом звуки последнего замещаются.

Приведем два примера такой контаминации: Вишел рекѸ (83), Вишеле рекѸ (95) и Сасско (*так в ркп.* 38).

Немецкая основа первых двух форм не вызывает сомнения (Weichsel), сложнее объяснить появление *ш*. Можно предполагать три возможности. Первое: отражение в письме смешения *с* и *ш* при шепелявом произношении *с* в ряде русских диалектов (псковских, великолукских, западных смоленских и брянских, изредка в тверских)²⁴. В таком случае отдельные спорадические отражения этого явления должны были обнаружиться в русском лексическом материале, чего мы, однако, в 1-м томе вестей-курантов не находим.

Второе: [шл] на месте sl известно немецким диалектам, как правило, в начале слова в позиции непосредственного контакта звуков. В данном случае предполагать его появление из немецкого можно, только допуская аналогию с контактной позицией.

Третье: *ш* могло быть отражением польск. ś. Этимологически здесь оно не было, так как ь после *с* отсутствовал²⁵. Обратимся к словам wiślisko 'старое русло Вислы' и wiślany — прил. от *Висла*, где были условия для ассимилятивного смягчения. Перед нами, по всей вероятности, случай отражения польского произношения, возможно, поддержанного немецким.

Сасско (*так в ркп.*) — более ясный случай контаминации, где [з] — из немецкого, хотя базой формы является не нем. sächsisch, а польск. saski 'саксонский'.

Таким образом, в передаче некоторых немецких согласных в текстах русских переводов вестей-курантов начала XVII в. нашли свое отражение как диалектное варьирование в немецком, так и явления многоконтактности.

²⁴ Филин Ф. П. Происхождение русского, украинского и белорусского языков. Л., 1972, с. 267—272.

²⁵ Klemensiewicz Z., Lehr-Spławiński T., Urbańczyk S. Gramatyka historyczna języka polskiego. Warszawa, 1955, s. 139—140; Brückner A. Słownik etymologiczny języka polskiego. Wyd. 2. Warszawa, 1970, s. 624.